

General Assembly

Distr.: General
10 July 2020

Original: English

Human Rights Council

Forty-fourth session

30 June–17 July 2020

Agenda item 3

**Promotion and protection of all human rights, civil,
political, economic, social and cultural rights,
including the right to development**

Note verbale dated 30 June 2020 from the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office at Geneva addressed to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights

The Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and other international organizations in Geneva presents its compliments to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, and has the honour to transmit herewith an article by the President of the Russian Federation, Vladimir Putin, entitled “The seventy-fifth anniversary of the Great Victory: shared responsibility to history and our future” (see annex).

The Permanent Mission requests the Office of the High Commissioner to circulate the present note verbale and the annex thereto* as a document of the forty-fourth session of the Human Rights Council, under agenda item 3.

---

* Reproduced as received, in the languages of submission only.

Annex to the note verbale dated 30 June 2020 from the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office at Geneva addressed to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights

Статья Президента Российской Федерации В.В.Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим».

75 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. За эти годы выросло несколько поколений. Изменилась политическая карта планеты. Нет Советского Союза, который одержал грандиозную, сокрушительную победу над нацизмом, спас весь мир. Да и сами события той войны даже для её участников – далёкое прошлое. Но почему в России 9 мая отмечается как самый главный праздник, а 22 июня жизнь словно замирает и комок подкатывает к горлу?

Принято говорить: война оставила глубокий след в истории каждой семьи. За этими словами – судьбы миллионов людей, их страдания и боль потерь. Гордость, правда и память.

Для моих родителей война – это страшные муки блокадного Ленинграда, где умер мой двухлетний брат Витя, где чудом осталась в живых мама. Отец, имея бронь, ушёл добровольцем защищать родной город – поступил так же, как и миллионы советских граждан. Воевал на плацдарме «Невский пятачок», был тяжело ранен. И чем дальше эти годы, тем больше потребность побеседовать с родителями, узнать более подробно о военном периоде их жизни. Но уже невозможно ничего спросить, поэтому свято храню в сердце разговоры с отцом и мамой на эту тему, их скупые эмоции.

Для меня и моих сверстников важно, чтобы наши дети, внуки, правнуки понимали, через какие испытания и муки прошли их предки. Как, почему смогли выстоять и победить? Откуда взялась их истинная железная сила духа, которая удивляла и восхищала весь мир? Да, они защищали свой дом, детей, близких, семью. Но всех объединяла любовь к Родине, к Отечеству. Это глубинное, личностное чувство во всей своей полноте отражено в самой сути нашего народа и стало одним из определяющих в его героической, жертвенной борьбе против нацистов.

Часто задаются вопросом: как нынешнее поколение себя поведёт, как поступит в условиях критической ситуации? Перед моими глазами молодые врачи, медсёстры, порой вчерашние студенты, которые сегодня идут в «красную зону», чтобы спасать людей. Наши военнослужащие, в ходе борьбы с международным терроризмом на Северном Кавказе, в Сирии стоявшие насмерть, – совсем юные ребята! Многим бойцам легендарной, бессмертной шестой десантной роты было 19–20 лет. Но все они показали, что достойны подвига воинов нашей Родины, которые защитили её в Великую Отечественную войну.

Поэтому уверен, что в характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счёту, во многом держится суверенитет нашей страны.

Сейчас у нас появились новые традиции, рождённые народом, такие как «Бессмертный полк». Это марш нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями. Миллионы людей выходят на шествия с фотографиями своих родных, отстоявших Отечество и разгромивших нацизм. Это значит, что их жизнь, испытания и жертвы, Победа, которую они передали нам, никогда не будут забыты.

Наша ответственность перед прошлым и будущим – сделать всё, чтобы не допустить повторения страшных трагедий. Поэтому посчитал своим долгом выступить со статьёй о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Не раз обсуждал эту идею в беседах с мировыми лидерами, встретил их понимание. В конце прошлого

года, на саммите руководителей стран СНГ, мы все были едины: важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героической борьбе – на фронте и в тылу, плечом к плечу – стояли представители всех республик Советского Союза. Тогда же говорил с коллегами и о непростом предвоенном периоде.

Этот разговор вызвал большой резонанс в Европе и мире. Значит, обращение к урокам прошлого действительно необходимо и злободневно. Вместе с тем было и много эмоций, плохо скрываемых комплексов, шумных обвинений. Ряд политиков по привычке поспешили заявить о том, что Россия пытается переписать историю. Однако при этом не смогли опровергнуть ни единого факта, ни одного приведённого аргумента. Разумеется, трудно да и невозможно спорить с подлинными документами, которые, к слову, хранятся не только в российских, но и в зарубежных архивах.

Поэтому есть потребность продолжить анализ причин, которые привели к мировой войне, размышления о её сложных событиях, трагедиях и победах, об её уроках – для нашей страны и всего мира. И здесь, повторю, принципиально важно опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические и политизированные домысливания.

Ещё раз напомним очевидную вещь: глубинные причины Второй мировой войны во многом вытекают из решений, принятых по итогам Первой мировой. Версальский договор стал для Германии символом глубокой несправедливости. Фактически речь шла об ограблении страны, которая обязана была выплатить западным союзникам огромные репарации, истощавшие её экономику. Главнокомандующий союзными войсками французский маршал Ф.Фох пророчески охарактеризовал Версаль: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет».

Именно национальное унижение сформировало питательную среду для радикальных и реваншистских настроений в Германии. Нацисты умело играли на этих чувствах, строили свою пропаганду, обещая избавить Германию от «наследия Версаля», восстановить её былое могущество, а по сути, толкали немецкий народ к новой войне. Парадоксально, но этому прямо или косвенно способствовали западные государства, прежде всего Великобритания и США. Их финансовые и промышленные круги весьма активно вкладывали капиталы в немецкие фабрики и заводы, выпускавшие продукцию военного назначения. А среди аристократии и политического истеблишмента было немало сторонников радикальных, крайне правых, националистических движений, набравших силу и в Германии, и в Европе.

Версальское «мироустройство» породило многочисленные скрытые противоречия и явные конфликты. В их основе – произвольно оформленные победителями в Первой мировой войне границы новых европейских государств. Практически сразу после их появления на карте начались территориальные споры и взаимные претензии, которые превратились в мины замедленного действия.

Одним из важнейших итогов Первой мировой войны стало создание Лиги наций. На эту международную организацию возлагались большие надежды по обеспечению долгосрочного мира, коллективной безопасности. Это была прогрессивная идея, последовательная реализация которой без преувеличения могла бы предотвратить повторение ужасов глобальной войны.

Однако Лига наций, в которой доминировали державы-победительницы – Великобритания и Франция, продемонстрировала свою неэффективность и просто потонула в пустых разговорах. В Лиге наций да и вообще на европейском континенте не были услышаны неоднократные призывы Советского Союза сформировать равноправную систему коллективной безопасности. В частности, заключить восточноевропейский и тихоокеанский пакты, которые смогли бы поставить заслон агрессии. Эти предложения были проигнорированы.

Лига наций не смогла предотвратить и конфликты в различных частях мира, такие как нападение Италии на Эфиопию, гражданская война в Испании, агрессия Японии против Китая, аншлюс Австрии. А в случае Мюнхенского сговора, в котором помимо Гитлера и Муссолини участвовали лидеры Великобритании и Франции, с полного

одобрения Совета Лиги наций произошло расчленение Чехословакии. Отмечу в связи с этим, что в отличие от многих тогдашних руководителей Европы Сталин не запятнал себя личной встречей с Гитлером, который слыл тогда в западных кругах вполне respectable политиком, был желанным гостем в европейских столицах.

В разделе Чехословакии заодно с Германией действовала и Польша. Они заранее и вместе решали, кому достанутся какие чехословацкие земли. 20 сентября 1938 года посол Польши в Германии Ю.Липский сообщил министру иностранных дел Польши Ю.Беку о следующих заверениях Гитлера: «...В случае, если между Польшей и Чехословакией дело дойдёт до конфликта на почве польских интересов в Тешине, Рейх станет на нашу [польскую] сторону». Главарь нацистов даже давал подсказки, советовал, чтобы начало польских действий «последовало... только лишь после занятия немцами Судетских гор».

В Польше отдавали себе отчёт, что без гитлеровской поддержки её захватнические планы были бы обречены на провал. Здесь процитирую запись беседы германского посла в Варшаве Г.А.Мольтке с Ю.Беком от 1 октября 1938 года о польско-чешских отношениях и позиции СССР в этом вопросе. Вот что там написано: «...Г-н Бек... выразил большую благодарность за лояльную трактовку польских интересов на Мюнхенской конференции, а также за искренность отношений во время чешского конфликта. Правительство и общественность [Польши] полностью отдают должное позиции фюрера и рейхсканцлера».

Раздел Чехословакии был жестоким и циничным. Мюнхен обрушил даже те формальные хрупкие гарантии, которые оставались на континенте, показал, что взаимные договорённости ничего не стоят. Именно Мюнхенский сговор послужил тем спусковым крючком, после которого большая война в Европе стала неизбежной.

Сегодня европейские политики, прежде всего польские руководители, хотели бы «замолчать» Мюнхен. Почему? Не только потому, что их страны тогда предали свои обязательства, поддержали Мюнхенский сговор, а некоторые даже приняли участие в дележе добычи, но и потому, что как-то неудобно вспоминать, что в те драматичные дни 1938 года только СССР вступился за Чехословакию.

Советский Союз, исходя из своих международных обязательств, в том числе соглашений с Францией и Чехословакией, пытался предотвратить трагедию. Польша же, преследуя свои интересы, всеми силами препятствовала созданию системы коллективной безопасности в Европе. Польский министр иностранных дел Ю.Бек 19 сентября 1938 года прямо писал об этом уже упомянутому послу Ю.Липскому перед его встречей с Гитлером: «...В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергло предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии».

Британия, а также Франция, которая была тогда главным союзником чехов и словаков, предпочли отказаться от своих гарантий и бросить на растерзание эту восточноевропейскую страну. Не просто бросить, а направить устремления нацистов на восток с прицелом на то, чтобы Германия и Советский Союз неизбежно бы столкнулись и обескровили друг друга.

Именно в этом заключалась западная политика «умиротворения». И не только по отношению к Третьему рейху, но и к другим участникам так называемого Антикоминтерновского пакта – фашистской Италии и милитаристской Японии. Её кульминацией на Дальнем Востоке стало англо-японское соглашение лета 1939 года, предоставившее Токио свободу рук в Китае. Ведущие европейские державы не хотели признавать, какая смертельная опасность для всего мира исходит от Германии и её союзников, рассчитывали, что война их самих обойдёт стороной.

Мюнхенский сговор показал Советскому Союзу, что западные страны будут решать вопросы безопасности без учёта его интересов, а при удобном случае могут сформировать антисоветский фронт.

Вместе с тем Советский Союз до последней возможности старался использовать любой шанс для создания антигитлеровской коалиции, повторю, несмотря на двуличную позицию стран Запада. Так, по линии разведслужб советское

руководство получало подробную информацию о закулисных англо-германских контактах летом 1939 года. Обращаю внимание: они велись весьма интенсивно, причём практически одновременно с трёхсторонними переговорами представителей Франции, Великобритании и СССР, которые западными партнёрами, напротив, сознательно затягивались. Приведу в связи с этим документ из британских архивов – это инструкция британской военной миссии, которая прибыла в Москву в августе 1939 года. В ней прямо говорится, что делегация должна «вести переговоры очень медленно»; что «правительство Соединённого Королевства не готово брать на себя подробно прописанные обязательства, которые могут ограничить нашу свободу действий при каких-либо обстоятельствах». Отмечу также: в отличие от англичан и французов советскую делегацию возглавили высшие руководители Красной Армии, которые имели все необходимые полномочия «подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе».

Свою роль в провале переговоров сыграла Польша, которая не хотела никаких обязательств перед советской стороной. Даже под давлением западных союзников польское руководство отказывалось от совместных действий с Красной Армией в противостоянии вермахту. И только когда стало известно о прилёте Риббентропа в Москву, Ю.Бек нехотя, не напрямую, а через французских дипломатов уведомил советскую сторону: «...В случае совместных действий против германской агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, при технических условиях, которые надлежит определить, не исключено». Одновременно своим коллегам он разъяснил: «...Я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, и наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остаётся без изменений».

В сложившейся ситуации Советский Союз подписал Договор о ненападении с Германией, фактически сделал это последним из стран Европы. Причём на фоне реальной опасности столкнуться с войной на два фронта – с Германией на западе и с Японией на востоке, где уже шли интенсивные бои на реке Халхин-Гол.

Сталин и его окружение заслуживают многих справедливых обвинений. Мы помним и о преступлениях режима против собственного народа, и об ужасах массовых репрессий. Повторю, советских руководителей можно упрекать во многом, но не в отсутствии понимания характера внешних угроз. Они видели, что Советский Союз пытаются оставить один на один с Германией и её союзниками, и действовали, осознавая эту реальную опасность, чтобы выиграть драгоценное время для укрепления обороны страны.

По поводу заключённого тогда Договора о ненападении сейчас много разговоров и претензий именно в адрес современной России. Да, Россия – правопреемница СССР, и советский период со всеми его триумфами и трагедиями – неотъемлемая часть нашей тысячелетней истории. Но напомним также, что Советский Союз дал правовую и моральную оценку так называемому Пакту Молотова–Риббентропа. В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 года официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти», никак не отражавший «волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор».

Вместе с тем другие государства предпочитают не вспоминать о соглашениях, где стоят подписи нацистов и западных политиков. Не говоря уже о юридической или политической оценке такого сотрудничества, в том числе молчаливого соглашения некоторых европейских деятелей с варварскими планами нацистов вплоть до их прямого поощрения. Чего сто́ит циничная фраза посла Польши в Германии Ю.Липского, произнесённая в беседе с Гитлером 20 сентября 1938 года: «...За решение еврейского вопроса мы [поляки] поставим ему... прекрасный памятник в Варшаве».

Мы также не знаем, были ли какие-либо «секретные протоколы» и приложения к соглашениям ряда стран с нацистами. Остаётся лишь «верить на слово». В частности, до сих пор не рассекречены материалы о тайных англо-германских переговорах. Поэтому призываем все государства активизировать процесс открытия

своих архивов, публикацию ранее неизвестных документов предвоенного и военного периодов – так, как это делает Россия в последние годы. Готовы здесь к широкому сотрудничеству, к совместным исследовательским проектам учёных-историков.

Но вернёмся к событиям, непосредственно предшествовавшим Второй мировой войне. Наивно было верить, что, расправившись с Чехословакией, Гитлер не предъявит очередные территориальные претензии. На этот раз к своему недавнему соучастнику в разделе Чехословакии – Польше. Поводом здесь, кстати, также послужило наследие Версаля – судьба так называемого Данцигского коридора. Последовавшая затем трагедия Польши – целиком на совести тогдашнего польского руководства, которое помешало заключению англо-франко-советского военного союза и понадеялось на помощь западных партнёров, подставило свой народ под каток гитлеровской машины уничтожения.

Немецкое наступление развивалось в полном соответствии с доктриной блицкрига. Несмотря на ожесточённое, героическое сопротивление польской армии, уже через неделю после начала войны, 8 сентября 1939 года, германские войска были на подступах к Варшаве. А военно-политическая верхушка Польши к 17 сентября сбежала на территорию Румынии, предав свой народ, который продолжал вести борьбу с захватчиками.

Западные союзники не оправдали польских надежд. После объявления войны Германии французские войска продвинулись всего на несколько десятков километров в глубь немецкой территории. Выглядело всё это лишь как демонстрация активных действий. Более того, англо-французский Верховный военный совет, впервые собравшийся 12 сентября 1939 года во французском Абвиле, принял решение вовсе прекратить наступление ввиду быстрого развития событий в Польше. Началась пресловутая «странная война». Налицо – прямое предательство со стороны Франции и Англии своих обязательств перед Польшей.

Позже, в ходе Нюрнбергского процесса, немецкие генералы так объясняли свой быстрый успех на востоке, бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии генерал А.Йодль признал: «...Если мы ещё в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоящих во время нашей войны с Польшей на Западе против 23-х германских дивизий, оставались совершенно бездейственными».

Попросил поднять из архивов весь массив материалов, связанных с контактами СССР и Германии в драматичные дни августа и сентября 1939 года. Как свидетельствуют документы, пункт 2 Секретного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года устанавливал, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов двух стран должна «приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Иными словами, в советскую сферу влияния попадали не только территории, на которых проживало преимущественно украинское и белорусское население, но и исторические польские земли междуречья Буга и Вислы. Об этом факте далеко не все сейчас знают.

Как и о том, что сразу после нападения на Польшу в первые сентябрьские дни 1939 года Берлин настойчиво и неоднократно призывал Москву присоединиться к военным действиям. Однако советское руководство подобные призывы игнорировало и втягиваться в драматически развивающиеся события не собиралось до последней возможности.

Лишь когда стало окончательно ясно, что Великобритания и Франция не стремятся помогать своему союзнику, а вермахт способен быстро оккупировать всю Польшу и выйти фактически на подступы к Минску, было принято решение ввести утром 17 сентября войсковые соединения Красной Армии в так называемые восточные кресы – ныне это части территории Белоруссии, Украины и Литвы.

Очевидно, что других вариантов не оставалось. В противном случае риски для СССР возросли бы многократно, поскольку, повторю, старая советско-польская граница

проходила всего в нескольких десятках километров от Минска, и неизбежная война с нацистами началась бы для страны с крайне невыгодных стратегических позиций. А миллионы людей разных национальностей, в том числе евреи, жившие под Брестом и Гродно, Перемышлем, Львовом и Вильно, были бы брошены на уничтожение нацистам и их местным приспешникам – антисемитам и радикал-националистам.

Именно тот факт, что Советский Союз до последней возможности стремился избежать участия в разгорающемся конфликте и не хотел играть на стороне Германии, привёл к тому, что реальное соприкосновение советских и немецких войск произошло гораздо восточнее оговорённых в секретном протоколе рубежей. Не по Висле, а примерно по так называемой линии Керзона, которая ещё в 1919 году была рекомендована Антантой в качестве восточной границы Польши.

Как известно, сослагательное наклонение трудно применимо к уже произошедшим событиям. Скажу лишь, что в сентябре 1939 года советское руководство имело возможность отодвинуть западные рубежи СССР ещё дальше на запад, вплоть до Варшавы, но приняло решение не делать этого.

Немцы предложили зафиксировать новый статус-кво. 28 сентября 1939 года в Москве И.Риббентроп и В.Молотов подписали Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, а также секретный протокол об изменении государственной границы, которой признавалась демаркационная линия, где де-факто стояли две армии.

Осенью 1939 года, решая свои военно-стратегические, оборонительные задачи, Советский Союз начал процесс инкорпорации Латвии, Литвы и Эстонии. Их вступление в СССР было реализовано на договорной основе, при согласии избранных властей. Это соответствовало нормам международного и государственного права того времени. Кроме того, Литве в октябре 1939 года были возвращены город Вильно и прилегающая область, ранее входившие в состав Польши. Прибалтийские республики в составе СССР сохранили свои органы власти, язык, имели представительство в советских высших государственных структурах.

Все эти месяцы не прекращалась невидимая постороннему глазу дипломатическая и военно-политическая борьба, работа разведки. В Москве понимали, что перед ней непримиримый и жестокий враг, что скрытая война с нацизмом уже идёт. И нет никаких оснований воспринимать официальные заявления, формальные протокольные ноты тех лет как доказательство «дружбы» между СССР и Германией. Активные торговые и технические контакты СССР имел не только с Германией, но и с другими странами. При этом Гитлер раз за разом пытался втянуть СССР в противостояние с Великобританией, однако советское руководство не поддавалось на эти уговоры.

Последнюю попытку склонить Советский Союз к совместным действиям Гитлер предпринял в ходе визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. Но Молотов в точности выполнил указания Сталина, ограничившись общими разговорами об идее немцев по поводу присоединения СССР к Пакту трёх – союзу Германии, Италии и Японии, – подписанному в сентябре 1940 года и направленному против Великобритании и США. Не случайно уже 17 ноября Молотов инструктировал находившегося в Лондоне советского полпреда И.Майского следующим образом: «Для Вашей ориентировки... Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать. Дело в Берлине ограничилось... обменом мнениями... Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными». А 25 ноября советское руководство и вовсе поставило здесь точку: официально выдвинуло Берлину неприемлемые для нацистов условия, включая вывод германских войск из Финляндии, договор о взаимопомощи между СССР и Болгарией и ряд других, тем самым сознательно исключив для себя любые возможности присоединения к Пакту. Такая позиция окончательно укрепила фюрера в его намерении развязать войну против СССР. И уже в декабре, отбросив в сторону все предупреждения своих стратегов о катастрофической опасности войны на два фронта, Гитлер утвердил план «Барбаросса». Сделал это, понимая, что именно Советский Союз – главная сила,

которая противостоит ему в Европе, и предстоящая схватка на востоке решит исход мировой войны. А в том, что поход на Москву будет скоротечным и успешным, он был уверен.

Что хотел бы особо отметить: западные страны фактически согласились тогда с советскими действиями, признали стремление Советского Союза обеспечить свою безопасность. Так, ещё 1 октября 1939 года бывший на тот момент главой британского Адмиралтейства У.Черчилль в выступлении на радио сказал: «Россия проводит холодную политику собственных интересов... Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии [новой западной границе]». 4 октября 1939 года в Палате лордов министр иностранных дел Великобритании Э.Галифакс заявил: «...Следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном... Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». Известный британский политический и государственный деятель Д.Ллойд-Джордж подчёркивал: «Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев».

А в неформальных беседах с советским полпредом И.Майским английские высокопоставленные политики и дипломаты говорили более откровенно. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р.Батлер 17 октября 1939 года поделился: «...В английских правительственных кругах считают, что не может быть никакого вопроса о возврате Польше Западных Украины и Белоруссии. Если бы удалось создать этнографическую Польшу скромных размеров с гарантией не только СССР и Германии, но также Англии и Франции, то британское правительство считало бы себя вполне удовлетворённым». 27 октября 1939 года главный советник Н.Чемберлена Г.Вильсон сказал: «Польша должна... быть восстановлена как самостоятельное государство на своей этнографической базе, но без Западной Украины и Белоруссии».

Стоит отметить, что в ходе этих бесед зондировалась почва и для улучшения советско-британских отношений. Эти контакты во многом заложили основу будущего союзничества и антигитлеровской коалиции. Среди ответственных дальновидных политиков выделялся У.Черчилль, который, несмотря на известную антипатию к СССР, и ранее выступал за сотрудничество с ним. Ещё в мае 1939 года в Палате общин он заявил: «Мы окажемся в смертельной опасности, если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией». А уже после начала боевых действий в Европе – на встрече с И.Майским 6 октября 1939 года – он доверительно сказал: «...Между Великобританией и СССР нет никаких серьёзных противоречий, а стало быть, нет оснований для напряжённых и неудовлетворительных отношений. Британское правительство... хотело бы развивать... торговые отношения. Оно готово было бы также обсудить всякие другие меры, могущие способствовать улучшению взаимоотношений».

Вторая мировая война не случилась в одночасье, не началась неожиданно, вдруг. И агрессия Германии против Польши не была внезапной. Она – результат многих тенденций и факторов в мировой политике того периода. Все довоенные события выстроились в одну роковую цепь. Но, безусловно, главное, что предопределило величайшую трагедию в истории человечества, – это государственный эгоизм, трусость, потакание набравшему силу агрессору, неготовность политических элит к поиску компромисса.

Поэтому нечестно утверждать, что двухдневный визит в Москву нацистского министра иностранных дел Риббентропа – главная причина, породившая Вторую мировую войну. Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за её начало. Каждая совершала непоправимые ошибки, самонадеянно полагая, что можно обхитрить других, обеспечить себе односторонние преимущества или остаться в стороне от надвигающейся мировой беды. И за такую недалёковидность, за отказ

от создания системы коллективной безопасности платить пришлось миллионами жизней, колоссальными утратами.

Пишу об этом без малейшего намерения взять на себя роль судьи, кого-то обвинить или оправдать, тем более инициировать новый виток международного информационного противостояния на историческом поле, которое может столкнуть между собой государства и народы. Считаю, что поиском взвешенных оценок прошедших событий должна заниматься академическая наука с широким представительством авторитетных учёных из разных стран. Нам всем нужны правда и объективность. Со своей стороны всегда призывал и призываю коллег к спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое. Такой подход позволит не повторить совершённых тогда ошибок и обеспечить мирное и благополучное развитие на долгие годы вперёд.

Однако многие наши партнёры пока не готовы к совместной работе. Напротив, преследуя свои цели, они наращивают против нашей страны количество и масштаб информационных атак, хотят заставить оправдываться, испытывать чувство вины, принимают насквозь лицемерные политизированные декларации. Так, например, одобренная 19 сентября 2019 года Европейским парламентом резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» прямо обвинила СССР – наряду с нацистской Германией – в развязывании Второй мировой войны. Естественно, что каких-либо упоминаний о Мюнхене там не содержится.

Считаю, что подобные «бумаги», не могу назвать эту резолюцию документом, при всём явном расчёте на скандал несут опасные реальные угрозы. Ведь её принял весьма уважаемый орган. И что он продемонстрировал? Как это ни печально – осознанную политику по разрушению послевоенного мироустройства, создание которого было делом чести и ответственности стран, ряд представителей которых проголосовали сегодня за эту лживую декларацию. И, таким образом, подняли руку на выводы Нюрнбергского трибунала, на усилия мирового сообщества, создававшего после победного 1945 года универсальные международные институты. Напомню в связи с этим, что сам процесс европейской интеграции, в ходе которой были созданы соответствующие структуры, в том числе и Европейский парламент, стал возможен только благодаря урокам, извлечённым из прошлого, его чётким правовым и политическим оценкам. И те, кто сознательно ставит под сомнение этот консенсус, разрушают основы всей послевоенной Европы.

Помимо угрозы для фундаментальных принципов миропорядка есть здесь и моральная, нравственная сторона. Глумление, издевательство над памятью – это подлость. Подлость бывает намеренной, лицемерной, вполне осознанной, когда в заявлениях по поводу 75-летия окончания Второй мировой войны перечисляются все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР. Подлость бывает трусливой, когда сносят памятники, воздвигнутые в честь борцов с нацизмом, оправдывая постыдные действия лживыми лозунгами борьбы с неугодной идеологией и якобы оккупацией. Подлость бывает кровавой, когда тех, кто выступает против неонацистов и наследников бандеровцев, убивают и сжигают. Повторю, подлость проявляет себя по-разному, но от этого она не перестаёт быть омерзительной.

Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжёлой расплатой. Мы будем твёрдо защищать правду, основанную на документально подтверждённых исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. На это в том числе нацелен масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду.

Такая работа уже идёт. Многие новые, недавно найденные, рассекреченные материалы использовал и при подготовке этой статьи. И в связи с этим могу ответственно заявить, что не существует архивных документов, которые подтверждали бы версию о намерении СССР начать превентивную войну против Германии. Да, советское военное руководство придерживалось доктрины, что в случае агрессии Красная Армия быстро даст отпор врагу, перейдёт в наступление и будет вести войну на территории

противника. Однако такие стратегические планы вовсе не означали намерения первыми напасть на Германию.

Конечно, сегодня в распоряжении историков есть документы военного планирования, директивы советских и немецких штабов. Наконец, мы знаем, как развивались события в реальности. С высоты этого знания многие рассуждают о действиях, ошибках, просчётах военно-политического руководства страны. Скажу в связи с этим одно: наряду с огромным потоком разного рода дезинформации советские лидеры получали и реальные сведения о готовящейся агрессии нацистов. И в предвоенные месяцы предприняли шаги, направленные на повышение боеготовности страны, включая скрытый призыв части военнообязанных на сборы, передислокацию соединений и резервов из внутренних военных округов к западным границам.

Война не была внезапной, её ждали, к ней готовились. Но удар нацистов был действительно невиданной в истории разрушительной мощи. 22 июня 1941 года Советский Союз столкнулся с самой сильной, отмобилизованной и обученной армией мира, на которую работал промышленный, экономический, военный потенциал практически всей Европы. В этом смертоносном нашествии принял участие не только вермахт, но и сателлиты Германии, воинские контингенты многих других государств европейского континента.

Тяжелейшие военные поражения 1941 года поставили страну на грань катастрофы. Восстанавливать боеспособность, управляемость пришлось чрезвычайными методами, всеобщей мобилизацией, напряжением всех сил государства и народа. Уже летом 41-го под огнём врага началась эвакуация на восток страны миллионов граждан, сотен заводов и производств. В кратчайшие сроки в тылу был налажен выпуск оружия и боеприпасов, которые стали поступать на фронт в первую же военную зиму, а к 1943 году были превышены показатели военного производства Германии и её союзников. За полтора года советские люди совершили то, что казалось невозможным, и на фронте, и в тылу. И до сих пор трудно осознать, понять, представить, каких невероятных усилий, мужества, самоотверженности потребовали эти величайшие достижения.

Против мощной, вооружённой до зубов, хладнокровной захватнической машины нацистов поднялась гигантская сила советского общества, объединённого стремлением защитить родную землю, отомстить врагу, сломавшему, растоптавшему мирную жизнь, её планы и надежды.

Конечно, в период этой страшной, кровопролитной войны некоторыми людьми овладевали страх, растерянность, отчаяние. Имели место предательство и дезертирство. Давали о себе знать жестокие разломы, порождённые революцией и Гражданской войной, нигилизм, издевательское отношение к национальной истории, традициям, вере, которые пытались насаждать большевики, особенно в первые годы после прихода к власти. Но общий настрой советских граждан и наших соотечественников, оказавшихся за рубежом, был другим – сбережь, спаси Родину. Это был настоящий, неуправляемый порыв. Люди искали опору в истинных патриотических ценностях.

Нацистские «стратеги» были убеждены, что огромное многонациональное государство легко можно подмять под себя. Рассчитывали, что внезапная война, её беспощадность и невыносимые тяготы неминуемо обострят межнациональные отношения, и страну можно будет расчленивать на части. Гитлер прямо заявлял: «Наша политика в отношении народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола».

Но с первых же дней стало ясно, что этот план нацистов провалился. Брестскую крепость до последней капли крови защищали воины более чем тридцати национальностей. На протяжении всей войны – и в крупных решающих битвах, и в защите каждого плацдарма, каждого метра родной земли – мы видим примеры такого единения.

Для миллионов эвакуированных родным домом стали Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток, республики Средней Азии и Закавказья. Их жители делились

последним, поддерживали всем, чем могли. Дружба народов, их взаимопомощь стали для врага настоящей несокрушимой крепостью.

В разгром нацизма – что бы сейчас ни пытались доказать – основной, решающий вклад внёс Советский Союз, Красная Армия. Герои, которые до конца сражались в окружении под Белостоком и Могилёвом, Уманью и Киевом, Вязьмой и Харьковом. Шли в атаку под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой, Курском и Смоленском. Освобождали Варшаву, Белград, Вену и Прагу. Брали штурмом Кёнигсберг и Берлин.

Мы отстаиваем подлинную, не приглаженную или отлакированную, правду о войне. Эту народную, человеческую правду – суровую, горькую и беспощадную – во многом передали нам писатели и поэты, прошедшие через огонь и ад фронтовых испытаний. Для моего, как и для других поколений, их честные, глубокие повести, романы, пронзительная «лейтенантская проза» и стихи навсегда оставили след в душе, стали завещанием – чтить ветеранов, сделавших для Победы всё, что могли, помнить о тех, кто остался на полях сражений.

И сегодня потрясают простые и великие по своей сути строки стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...», посвящённого участником кровопролитного, жестокого сражения Великой Отечественной войны на центральном участке советско-германского фронта. Только в ходе боёв за город Ржев и Ржевский выступ с октября 1941 года по март 1943 года Красная Армия потеряла, включая раненых и пропавших без вести, 1 миллион 342 тысячи 888 человек. Называю эти, собранные по архивным источникам страшные, трагические, ещё далеко не полные цифры – впервые, отдавая дань памяти подвигу известных и безымянных героев, о которых в послевоенные годы в силу разных причин говорили незаслуженно, несправедливо мало или вовсе молчали.

Приведу ещё один документ. Это доклад Международной комиссии по репарациям с Германии во главе с И.Майским, подготовленный в феврале 1945 года. В задачи комиссии входило определение формулы, согласно которой побеждённая Германия должна была возместить понесённый ущерб державам-победительницам. Комиссия пришла к следующему выводу: «Количество затраченных Германией на советском фронте солдат-дней превосходит это же количество на всех других союзных фронтах, по крайней мере, в 10 раз. Советский фронт оттягивал также четыре пятых германских танков и около двух третей германских самолётов». В целом на долю СССР пришлось около 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции. Красная Армия за годы войны «перемолола» 626 дивизий стран «оси», из которых 508 – германские.

28 апреля 1942 года Рузвельт в своём обращении к американской нации заявил: «Русские войска уничтожили и продолжают уничтожать больше живой силы, самолётов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные объединённые нации вместе взятые». Черчилль в послании Сталину 27 сентября 1944 года писал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...».

Такая оценка нашла отклик во всём мире. Потому что в этих словах – та самая великая правда, которую никто тогда не подвергал сомнению. Почти 27 миллионов советских граждан погибли на фронтах, в немецком плену, умерли от голода и бомбёжек, в гетто и печах нацистских лагерей смерти. СССР потерял каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек. К сожалению, это число тяжелейших, невосполнимых потерь Советского Союза неокончательное. Предстоит продолжить кропотливую работу по восстановлению имён и судеб всех погибших: бойцов Красной Армии, партизан, подпольщиков, военнопленных и узников концлагерей, мирных граждан, уничтоженных карателями. Это наш долг. И здесь особая роль принадлежит участникам поискового движения, военно-патриотическим и волонтерским объединениям, таким проектам, как электронная база данных «Память народа», основанная на архивных документах. И, конечно, в решении такой общегуманитарной задачи необходимо тесное международное сотрудничество.

К победе вели усилия всех стран и народов, которые боролись с общим врагом. Британская армия защитила свою родину от вторжения, воевала с нацистами и их сателлитами на Средиземном море, в Северной Африке. Американские и британские войска освобождали Италию, открывали Второй фронт. США нанесли мощные, сокрушительные удары агрессору на Тихом океане. Мы помним колоссальные жертвы китайского народа и его огромную роль в разгроме японских милитаристов. Не забудем бойцов «Сражающейся Франции», которые не признали позорную капитуляцию и продолжили борьбу с нацистами.

Мы также будем всегда благодарны за помощь, которую оказывали союзники, обеспечивая Красную Армию боеприпасами, сырьём, продовольствием, техникой. И она была существенной – около семи процентов от общих объёмов военного производства Советского Союза.

Ядро антигитлеровской коалиции начало складываться сразу после нападения на Советский Союз, когда США и Великобритания безоговорочно поддержали его в борьбе с гитлеровской Германией. Во время Тегеранской конференции 1943 года Сталин, Рузвельт и Черчилль сформировали альянс великих держав, договорились о выработке коалиционной дипломатии, совместной стратегии в борьбе против общей смертельной угрозы. У лидеров Большой тройки было чёткое понимание, что объединение промышленных, ресурсных и военных потенциалов СССР, США, Великобритании создаст неоспоримое превосходство над противником.

Советский Союз в полной мере выполнял свои обязательства перед союзниками, всегда протягивал руку помощи. Так, масштабной операцией «Багратион» в Белоруссии Красная Армия поддержала высадку англо-американского десанта в Нормандии. В январе 1945 года, прорвавшись к Одере, наши бойцы поставили крест на последнем мощном наступлении вермахта на Западном фронте, в Арденнах. А через три месяца после победы над Германией СССР в полном соответствии с Ялтинскими договорённостями объявил войну Японии и нанёс поражение миллионной Квантунской армии.

Ещё в июле 1941 года советское руководство заявило, что «целью войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация угрозы, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». К середине 1944 года враг был изгнан практически со всей советской территории. Но его нужно было добить до конца в своём логове. И Красная Армия начала освободительную миссию в Европе, спасла от уничтожения и порабощения, от ужаса Холокоста целые народы. Спасла ценой сотен тысяч жизней советских солдат.

Важно также не забывать о той огромной материальной помощи, которую СССР оказывал освобождённым странам в ликвидации угрозы голода, в восстановлении экономики и инфраструктуры. Делал это в то время, когда на тысячи вёрст от Бреста до Москвы и Волги тянулись одни пепелища. Так, например, в мае 1945 года правительство Австрии обратилось с просьбой к СССР оказать помощь с продовольствием, так как «не знало, как прокормить своё население в последующие семь недель, до нового урожая». Согласие советского руководства направить продукты питания государственный канцлер Временного правительства Австрийской республики К.Реннер охарактеризовал, как «спасительный акт...», который «австрийцы никогда не забудут».

Союзники совместно создали Международный военный трибунал, призванный покарать нацистских политических и военных преступников. В его решениях дана чёткая правовая квалификация таким преступлениям против человечности, как геноцид, этнические и религиозные чистки, антисемитизм и ксенофобия. Прямо и недвусмысленно Нюрнбергский трибунал осудил и пособников нацистов, коллаборационистов различных мастей.

Это позорное явление имело место во всех государствах Европы. Такие «деятели», как Петен, Квислинг, Власов, Бандера, их приспешники и последователи, хоть и рядились в одежды борцов за национальную независимость или свободу от коммунизма, являются предателями и палачами. В бесчеловечности они зачастую превосходили

своих хозяев. Стараясь выслужиться, в составе специальных карательных групп охотно выполняли самые людоедские поручения. Дело их кровавых рук – расстрелы Бабьего Яра, Волынская резня, сожжённая Хатынь, акции уничтожения евреев в Литве и Латвии.

И сегодня наша позиция остаётся неизменной: преступным деяниям пособников нацистов не может быть оправдания, им нет срока давности. Поэтому вызывает недоумение, когда в ряде стран те, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами, вдруг приравниваются к ветеранам Второй мировой войны. Считаю недопустимым ставить знак равенства между освободителями и оккупантами. А героизацию пособников нацистов могу рассматривать только как предательство памяти наших отцов и дедов. Предательство тех идеалов, которые объединили народы в борьбе с нацизмом.

Тогда перед руководителями СССР, США и Великобритании стояла без преувеличения историческая задача. Сталин, Рузвельт, Черчилль представляли страны с различными идеологиями, государственными устремлениями, интересами, культурами, но проявили огромную политическую волю, поднялись над противоречиями и пристрастиями и поставили во главу угла истинные интересы мира. В результате они смогли прийти к согласию и достигнуть решения, от которого выиграло всё человечество.

Державы-победительницы оставили нам систему, которая стала квинтэссенцией интеллектуальных и политических исканий нескольких столетий. Серия конференций – Тегеранская, Ялтинская, Сан-Францисская, Потсдамская – заложили основу того, что мир вот уже 75 лет, несмотря на острейшие противоречия, живёт без глобальной войны.

Исторический ревизионизм, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причём прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и её итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития, заложенных в 1945 году Ялтинской и Сан-Францисской конференциями. Главное историческое достижение Ялты и других решений того времени заключается в согласии создать механизм, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий.

XX век принёс тотальные и всеобъемлющие мировые конфликты, а в 1945 году на арену вышло ещё и ядерное оружие, способное физически уничтожить Землю. Иными словами, урегулирование споров силовыми методами стало за пределами опасным. И победители во Второй мировой войне это понимали. Понимали и осознавали собственную ответственность перед человечеством.

Печальный опыт Лиги наций учли в 1945-м. Структура Совета Безопасности ООН была разработана таким образом, чтобы сделать гарантии мира максимально конкретными и действенными. Так появился институт постоянных членов Совета Безопасности и право вето как их привилегия и ответственность.

Что такое право вето в Совете Безопасности ООН? Говоря прямо, это единственная разумная альтернатива прямому столкновению крупнейших стран. Это заявление одной из пяти держав, что то или иное решение для неё неприемлемо, противоречит её интересам и представлениям о правильном подходе. И остальные страны, даже если они не согласны с этим, принимают такую позицию как данность, отказываясь от попыток воплотить в жизнь свои односторонние устремления. То есть так или иначе, но нужно искать компромиссы.

Новое глобальное противостояние началось почти сразу после завершения Второй мировой войны и носило временами очень ожесточённый характер. И то, что холодная война не переросла в третью мировую, убедительно подтвердило эффективность договорённостей, заключённых Большой тройкой. Правила поведения, согласованные при создании ООН, позволили в дальнейшем сводить к минимуму риски и держать противостояние под контролем.

Конечно, мы видим, что система ООН работает сейчас с напряжением и не так эффективно, как могла бы. Но свою основную функцию ООН по-прежнему

выполняет. Принципы деятельности Совета Безопасности ООН – это уникальный механизм предотвращения большой войны или глобального конфликта.

Звучащие довольно часто в последние годы призывы отменить право вето, отказать постоянным членам Совбеза в особых возможностях на деле безответственны. Ведь если такое произойдёт, Организация Объединённых Наций по существу превратится в ту самую Лигу наций – собрание для пустых разговоров, лишённое каких-либо рычагов воздействия на мировые процессы; чем всё закончилось, хорошо известно. Именно поэтому державы-победительницы подошли к формированию новой системы миропорядка с предельной серьёзностью, чтобы не повторить ошибки предшественников.

Создание современной системы международных отношений – один из важнейших итогов Второй мировой войны. Даже наиболее непримиримые противоречия – геополитические, идеологические, экономические – не мешают находить формы мирного сосуществования и взаимодействия, если на то есть желание и воля. Сегодня мир переживает не самые спокойные времена. Меняется всё: от глобальной расстановки сил и влияния до социальных, экономических и технологических основ жизни обществ, государств, целых континентов. В минувшие эпохи сдвиги такого масштаба практически никогда не обходились без больших военных конфликтов, без силовой схватки за выстраивание новой глобальной иерархии. Благодаря мудрости и дальновидности политических деятелей союзных держав удалось создать систему, которая удерживает от крайних проявлений такого объективного, исторически присущего мировому развитию соперничества.

Наш долг – всех тех, кто берёт на себя политическую ответственность, прежде всего представителей держав-победительниц во Второй мировой войне, – гарантировать, чтобы эта система сохранилась и совершенствовалась. Сегодня, как и в 1945 году, важно проявить политическую волю и вместе обсудить будущее. Наши коллеги – господина Си Цзиньпина, Макрона, Трампа, Джонсона – поддержали выдвинутую российскую инициативу провести встречу лидеров пяти ядерных государств – постоянных членов Совета Безопасности. Мы благодарим их за это и рассчитываем, что такая очная встреча может состояться при первой возможности.

Какой мы видим повестку предстоящего саммита? Прежде всего, на наш взгляд, целесообразно обсудить шаги по развитию коллективных начал в мировых делах, откровенно поговорить о вопросах сохранения мира, укрепления глобальной и региональной безопасности, контроля над стратегическими вооружениями, совместных усилий в противодействии терроризму, экстремизму, другим актуальным вызовам и угрозам.

Отдельная тема повестки встречи – ситуация в глобальной экономике, прежде всего преодоление экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Наши страны принимают беспрецедентные меры для защиты здоровья и жизни людей, поддержки граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Но насколько тяжёлыми будут последствия пандемии, как быстро глобальная экономика выберется из рецессии – зависит от нашей способности работать сообща и согласованно, как настоящие партнёры. Тем более недопустимо превращать экономику в инструмент давления и противостояния. В числе востребованных тем охрана окружающей среды и борьба с изменением климата, а также обеспечение безопасности глобального информационного пространства.

Предлагаемая Россией повестка предстоящего саммита «пятёрки» исключительно важная и актуальная как для наших стран, так и для всего мира. И по всем пунктам у нас есть конкретные идеи и инициативы.

Не может быть сомнений, что саммит России, Китая, Франции, США и Великобритании сыграет важную роль в поиске общих ответов на современные вызовы и угрозы и продемонстрирует общую приверженность духу союзничества, тем высоким гуманистическим идеалам и ценностям, за которые плечом к плечу сражались отцы и деды.

Опираясь на общую историческую память, мы можем и должны доверять друг другу. Это послужит прочной основой для успешных переговоров и согласованных действий ради укрепления стабильности и безопасности на планете, ради процветания и благополучия всех государств. Без преувеличения, в этом заключается наш общий долг и ответственность перед всем миром, перед нынешним и будущими поколениями.

75th Anniversary of the Great Victory: Shared Responsibility to History and our Future by Vladimir Putin, President of the Russian Federation

75 years have passed since the end of the Great Patriotic War. Several generations have grown up over the years. The political map of the planet has changed. The Soviet Union that claimed an epic, crushing victory over Nazism and saved the entire world is gone. Besides, the events of that war have long become a distant memory, even for its participants. So why does Russia celebrate the 9th of May as the biggest holiday? Why does life almost come to a halt on June 22? And why does one feel a lump rise in their throat?

They usually say that the war has left a deep imprint on every family's history. Behind these words, there are fates of millions of people, their sufferings and the pain of loss. Behind these words, there is also the pride, the truth and the memory.

For my parents, the war meant the terrible ordeals of the Siege of Leningrad where my two-year old brother Vitya died. It was the place where my mother miraculously managed to survive. My father, despite being exempt from active duty, volunteered to defend his hometown. He made the same decision as millions of Soviet citizens. He fought at the Nevsky Pyatachok bridgehead and was severely wounded. And the more years pass, the more I feel the need to talk to my parents and learn more about the war period of their lives. But I no longer have the opportunity to do so. This is the reason why I treasure in my heart the conversations I had with my father and mother on this subject, as well as the little emotion they showed.

People of my age and I believe it is important that our children, grandchildren and great-grandchildren understand the torment and hardships their ancestors had to endure. They need to understand how their ancestors managed to persevere and win. Where did their sheer, unbending willpower that amazed and fascinated the whole world come from? Sure, they were defending their homes, children, loved ones and families. However, what they shared was the love for their homeland, their Motherland. That deep-seated, intimate feeling is fully reflected in the very essence of our nation and became one of the decisive factors in its heroic, sacrificial fight against the Nazis.

People often wonder: What would today's generation do? How will it act when faced with a crisis situation? I see young doctors, nurses, sometimes fresh graduates that go to the "red zone" to save lives. I see our servicemen fighting international terrorism in the North Caucasus, fighting to the bitter end in Syria. They are so young. Many servicemen who were part of the legendary, immortal 6th Paratroop Company were 19–20 years old. But all of them proved that they deserved to inherit the feat of the warriors of our Motherland that defended it during the Great Patriotic War.

This is why I am confident that one of the characteristic features of the peoples of Russia is to fulfil their duty without feeling sorry for themselves when the circumstances so demand. Such values as selflessness, patriotism, love for their home, their family and Fatherland remain fundamental and integral to the Russian society to this day. These values are, to a large extent, the backbone of our country's sovereignty.

Nowadays, we have new traditions created by the people, such as the Immortal Regiment. This is the memory march that symbolises our gratitude, as well as the living connection and the blood ties between generations. Millions of people come out to the streets carrying the photographs of their relatives who defended their Fatherland and defeated the Nazis. This means that their lives, the ordeals and sacrifices they endured, as well as the Victory that they passed to us will never be forgotten.

We have a responsibility to our past and our future to do our utmost to prevent those horrible tragedies from happening ever again. Hence, I was compelled to come out with an article about World War II and the Great Patriotic War. I have discussed this idea on several occasions with world leaders, and they have showed their support. At the summit of CIS leaders held at the end of last year, we all agreed on one thing: it is essential to pass on to future generations the memory of the fact that the Nazis were defeated first and foremost by the entire Soviet people and that representatives of all republics

of the Soviet Union fought side by side together in that heroic battle, both on the frontlines and in the rear. During that summit, I also talked with my counterparts about the challenging pre-war period.

That conversation caused a stir in Europe and the world. It means that it is indeed high time that we revisited the lessons of the past. At the same time, there were many emotional outbursts, poorly disguised insecurities and loud accusations that followed. Acting out of habit, certain politicians rushed to claim that Russia was trying to rewrite history. However, they failed to rebut a single fact or refute a single argument. It is indeed difficult, if not impossible, to argue with the original documents that, by the way, can be found not only in Russian, but also in foreign archives.

Thus, there is a need to further examine the reasons that caused the world war and reflect on its complicated events, tragedies and victories, as well as its lessons, both for our country and the entire world. And like I said, it is crucial to rely exclusively on archive documents and contemporary evidence while avoiding any ideological or politicised speculations.

I would like to once again recall the obvious fact. The root causes of World War II mainly stem from the decisions made after World War I. The Treaty of Versailles became a symbol of grave injustice for Germany. It basically implied that the country was to be robbed, being forced to pay enormous reparations to the Western allies that drained its economy. French Marshal Ferdinand Foch who served as the Supreme Allied Commander gave a prophetic description of that Treaty: "This is not peace. It is an armistice for twenty years."

It was the national humiliation that became a fertile ground for radical and revenge-seeking sentiments in Germany. The Nazis skilfully played on people's emotions and built their propaganda promising to deliver Germany from the "legacy of Versailles" and restore the country to its former power while essentially pushing German people into war. Paradoxically, the Western states, particularly the United Kingdom and the United States, directly or indirectly contributed to this. Their financial and industrial enterprises actively invested in German factories and plants manufacturing military products. Besides, many people in the aristocracy and political establishment supported radical, far-right and nationalist movements that were on the rise both in Germany and in Europe.

"Versailles world order" caused numerous implicit controversies and apparent conflicts. They revolved around the borders of new European states randomly set by the victors in World War I. That boundary delimitation was almost immediately followed by territorial disputes and mutual claims that turned into "time bombs".

One of the major outcomes of World War I was the establishment of the League of Nations. There were high expectations for that international organisation to ensure lasting peace and collective security. It was a progressive idea that, if followed through consistently, could actually prevent the horrors of a global war from happening again.

However, the League of Nations dominated by the victorious powers of France and the United Kingdom proved ineffective and just got swamped by pointless discussions. The League of Nations and the European continent in general turned a deaf ear to the repeated calls of the Soviet Union to establish an equitable collective security system, and sign an Eastern European pact and a Pacific pact to prevent aggression. These proposals were disregarded.

The League of Nations also failed to prevent conflicts in various parts of the world, such as the attack of Italy on Ethiopia, a civil war in Spain, the Japanese aggression against China and the Anschluss of Austria. Furthermore, in case of the Munich Betrayal that, in addition to Hitler and Mussolini, involved British and French leaders, Czechoslovakia was taken apart with the full approval of the League of Nations. I would like to point out in this regard that, unlike many other European leaders of that time, Stalin did not disgrace himself by meeting with Hitler who was known among the Western nations as quite a reputable politician and was a welcome guest in the European capitals.

Poland was also engaged in the partition of Czechoslovakia along with Germany. They decided together in advance who would get what Czechoslovak territories. On September 20, 1938, Polish Ambassador to Germany Józef Lipski reported to Minister of Foreign Affairs of Poland Józef Beck on the following assurances made by Hitler:

“...in case of a conflict between Poland and Czechoslovakia over our interests in Teschen, the Reich would stand by Poland.” The Nazi leader even prompted and advised that Poland started to act “only after the Germans occupy the Sudetes.”

Poland was aware that without Hitler's support, its annexationist plans were doomed to fail. I would like to quote in this regard a record of the conversation between German Ambassador to Warsaw Hans-Adolf von Moltke and Józef Beck that took place on October 1, 1938, and was focused on the Polish-Czech relations and the position of the Soviet Union in this matter. It says: “Mr Beck expressed real gratitude for the loyal treatment accorded to Polish interests at the Munich conference, as well as the sincerity of relations during the Czech conflict. The Government and the public [of Poland] fully appreciated the attitude of the Fuehrer and Chancellor.”

The partition of Czechoslovakia was brutal and cynical. Munich destroyed even the formal, fragile guarantees that remained on the continent. It showed that mutual agreements were worthless. It was the Munich Betrayal that served as the “trigger” and made the great war in Europe inevitable.

Today, European politicians, and Polish leaders in particular, wish to sweep the Munich Betrayal under the carpet. Why? The fact that their countries once broke their commitments and supported the Munich Betrayal, with some of them even participating in divvying up the take, is not the only reason. Another is that it is kind of embarrassing to recall that during those dramatic days of 1938, the Soviet Union was the only one to stand up for Czechoslovakia.

The Soviet Union, in accordance with its international obligations, including agreements with France and Czechoslovakia, tried to prevent the tragedy from happening. Meanwhile, Poland, in pursuit of its interests, was doing its utmost to hamper the establishment of a collective security system in Europe. Polish Minister of Foreign Affairs Józef Beck wrote about it directly in his letter of September 19, 1938 to the aforementioned Ambassador Józef Lipski before his meeting with Hitler: “...in the past year, the Polish government rejected four times the proposal to join the international interfering in defence of Czechoslovakia.”

Britain, as well as France, which was at the time the main ally of the Czechs and Slovaks, chose to withdraw their guarantees and abandon this Eastern European country to its fate. In so doing, they sought to direct the attention of the Nazis eastward so that Germany and the Soviet Union would inevitably clash and bleed each other white.

That was the essence of the western policy of ‘appeasement,’ which was pursued not only towards the Third Reich but also towards other participants of the so-called Anti-Comintern Pact – the fascist Italy and militarist Japan. In the Far East, this policy culminated in the conclusion of the Anglo-Japanese agreement in the summer of 1939, which gave Tokyo a free hand in China. The leading European powers were unwilling to recognise the mortal danger posed by Germany and its allies to the whole world. They were hoping that they themselves would be left untouched by the war.

The Munich Betrayal showed to the Soviet Union that the Western countries would deal with security issues without taking its interests into account. In fact, they could even create an anti-Soviet front, if needed.

Nevertheless, the Soviet Union did its utmost to use every chance to create an Anti-Hitler coalition. Despite – I will say it again – the double-dealing on the part of the Western countries. For instance, the intelligence services reported to the Soviet leadership detailed information on the behind-the-scenes contacts between Britain and Germany in the summer of 1939. The important thing is that those contacts were quite active and practically coincided with the tripartite negotiations between France, Great Britain and the USSR, which were, on the contrary, deliberately protracted by the Western partners. In this connection, I will cite a document from the British archives. It contains instructions to the British military mission that came to Moscow in August 1939. It directly states that the delegation was to proceed with negotiations very slowly, and that the Government of the United Kingdom was not ready to assume any obligations spelled out in detail and limiting their freedom of action under any circumstances. I will also note that, unlike the British and French delegations,

the Soviet delegation was headed by top commanders of the Red Army, who had the necessary authority to “sign a military convention on the organisation of military defence of England, France and the USSR against aggression in Europe.”

Poland played its role in the failure of those negotiations as it did not want to have any obligations to the Soviet side. Even under pressure from their Western allies, the Polish leadership rejected the idea of joint action with the Red Army to fight against the Wehrmacht. It was only when they learned of the arrival of J. Ribbentrop to Moscow that J. Beck reluctantly and not directly, but through French diplomats, notified the Soviet side: “... in the event of joint action against the German aggression, cooperation between Poland and the Soviet Union, subject to technical conditions which have to be agreed, is not out of the question.” At the same time, he explained to his colleagues: “... I agreed to this wording only for the sake of the tactics, and our core position in relation to the Soviet Union is final and remains unchanged.”

In these circumstances, the Soviet Union signed the Non-Aggression Pact with Germany. It was practically the last among the European countries to do so. Besides, it was done in the face of a real threat of war on two fronts – with Germany in the west and with Japan in the east, where intense fighting on the Khalkhin Gol River was already underway.

Stalin and his entourage, indeed, deserve many legitimate accusations. We remember the crimes committed by the regime against its own people and the horror of mass repressions. In other words, there are many things the Soviet leaders can be reproached for, but poor understanding of the nature of external threats is not one of them. They saw how attempts were made to leave the Soviet Union alone to deal with Germany and its allies. Bearing in mind this real threat, they sought to buy precious time needed to strengthen the country's defences.

Nowadays, we hear lots of speculations and accusations against modern Russia in connection with the Non-Aggression Pact signed back then. Yes, Russia is the legal successor state to the USSR, and the Soviet period – with all its triumphs and tragedies – is an inalienable part of our thousand-year-long history. However, let me also remind you that the Soviet Union gave a legal and moral assessment of the so-called Molotov–Ribbentrop Pact. The Supreme Soviet in its resolution of December 24, 1989 officially denounced the secret protocols as “an act of personal power” which in no way reflected “the will of the Soviet people who bear no responsibility for this collusion.”

Yet other states prefer to forget the agreements carrying signatures of the Nazis and Western politicians, not to mention giving legal or political assessments of such cooperation, including the silent acquiescence – or even direct abetment – of some European politicians in the barbarous plans of the Nazis. It will suffice to remember the cynical phrase said by Polish Ambassador to Germany J. Lipski during his conversation with Hitler on September 20, 1938: “...for solving the Jewish problem, we [the Poles] will build in his honour ... a splendid monument in Warsaw.”

Besides, we do not know if there were any secret “protocols” or annexes to agreements of a number of countries with the Nazis. The only thing that is left to do is to take their word for it. In particular, materials pertaining to the secret Anglo-German talks still have not been declassified. Therefore, we urge all states to step up the process of making their archives public and publishing previously unknown documents of the war and pre-war periods – the way Russia has been doing it in recent years. In this context, we are ready for broad cooperation and joint research projects engaging historians.

But let us go back to the events immediately preceding the Second World War. It was naïve to believe that Hitler, once done with Czechoslovakia, would not make new territorial claims. This time the claims involved its recent accomplice in the partition of Czechoslovakia – Poland. Here, the legacy of Versailles, particularly the fate of the so-called Danzig Corridor, was yet again used as the pretext. The blame for the tragedy that Poland then suffered lies entirely with the Polish leadership, which had impeded the formation of a military alliance between Britain, France and the Soviet Union and relied on the help from its Western partners, throwing its own people under the steamroller of Hitler's machine of destruction.

The German offensive was mounted in full accordance with the blitzkrieg doctrine. Despite the fierce, heroic resistance of the Polish army, on September 8, 1939 – only a week after the war broke out – the German troops were on the approaches to Warsaw. By September 17, the military and political leaders of Poland had fled to Romania, betraying its people, who continued to fight against the invaders.

Poland's hope for help from its Western allies was vain. After the war against Germany was declared, the French troops advanced only a few tens of kilometres deep into the German territory. All of it looked like a mere demonstration of vigorous action. Moreover, the Anglo-French Supreme War Council, holding its first meeting on September 12, 1939 in the French city of Abbeville, decided to call off the offensive altogether in view of the rapid developments in Poland. That was when the infamous Phony War started. What Britain and France did was a blatant betrayal of their obligations to Poland.

Later, during the Nuremberg Trials, German generals explained their quick success in the East. Former Chief of the Operations Staff of the German Armed Forces High Command General Alfred Jodl admitted: "... we did not suffer defeat as early as 1939 only because about 110 French and British divisions stationed in the west against 23 German divisions during our war with Poland remained absolutely idle."

I asked for retrieval from the archives of the whole body of materials pertaining to the contacts between the USSR and Germany in the dramatic days of August and September 1939. According to the documents, paragraph 2 of the Secret Protocol to the German-Soviet Non-Aggression Pact of August 23, 1939 stated that, in the event of territorial-political reorganisation of the districts making up the Polish state, the border between the spheres of interest of the two countries would run "approximately along the Narew, Vistula and San rivers." In other words, the Soviet sphere of influence included not only the territories that were mostly home to Ukrainian and Belorussian population but also the historically Polish lands in the Vistula and Bug interfluvium. This fact is known to very few these days.

Similarly, very few know that, immediately after the attack on Poland, in the early days of September 1939, Berlin strongly and repeatedly called on Moscow to join the military action. However, the Soviet leadership ignored those calls and planned to avoid engaging in the dramatic developments as long as possible.

It was only when it became absolutely clear that Great Britain and France were not going to help their ally and the Wehrmacht could swiftly occupy entire Poland and thus appear on the approaches to Minsk that the Soviet Union decided to send in, on the morning of September 17, Red Army units into the so-called Eastern Borderlines (Kresy), which nowadays form part of the territories of Belorussia, Ukraine and Lithuania.

Obviously, there was no alternative. Otherwise, the USSR would face seriously increased risks because – I will say this again – the old Soviet-Polish border ran only within a few tens of kilometres from Minsk. The country would have to enter the inevitable war with the Nazis from very disadvantageous strategic positions, while millions of people of different nationalities, including the Jews living near Brest and Grodno, Przemyśl, Lvov and Wilno, would be left to die at the hands of the Nazis and their local accomplices – anti-Semites and radical nationalists.

The fact that the Soviet Union sought to avoid engaging in the growing conflict for as long as possible and was unwilling to fight side by side with Germany was the reason why the real contact between the Soviet and the German troops occurred much farther east than the borders agreed in the secret protocol. It was not on the Vistula River but closer to the so-called Curzon Line, which back in 1919 was recommended by the Triple Entente as the eastern border of Poland.

As is known, the subjunctive mood can hardly be used when we speak of the past events. I will only say that, in September 1939, the Soviet leadership had an opportunity to move the western borders of the USSR even farther west, all the way to Warsaw, but decided against it.

The Germans suggested formalising the new status quo. On September 28, 1939 J. Ribbentrop and V. Molotov signed in Moscow the Boundary and Friendship Treaty between

Germany and the Soviet Union, as well as the secret protocol on changing the state border, according to which the border was recognised at the demarcation line where the two armies de-facto stood.

In autumn 1939, the Soviet Union, pursuing its strategic military and defensive goals, started the process of incorporation of Latvia, Lithuania and Estonia. Their accession to the USSR was implemented on a contractual basis, with the consent of the elected authorities. This was in line with international and state law of that time. Besides, in October 1939, the city of Wilno and the surrounding area, which had previously been part of Poland, were returned to Lithuania. The Baltic republics within the USSR preserved their government bodies, language, and had representation in the higher government entities of the Soviet Union.

During all these months there was an ongoing invisible diplomatic and politico-military struggle and intelligence work. Moscow understood that it was facing a fierce and cruel enemy, and that a covert war against Nazism was already going on. And there was no reason to take official statements and formal protocol notes of that time as a proof of 'friendship' between the USSR and Germany. The Soviet Union had active trade and technical contacts not only with Germany, but with other countries as well. Whereas Hitler tried again and again to draw the Soviet Union into Germany's confrontation with the UK. But the Soviet government stood firm.

The last attempt to persuade the USSR to act together was made by Hitler during Molotov's visit to Berlin in November 1940. But Molotov accurately followed Stalin's instructions and limited himself to a general discussion of the German idea of the Soviet Union joining the Tripartite Pact signed by Germany, Italy and Japan in September 1940 and directed against the UK and the USA. No wonder that already on November 17 Molotov gave the following instructions to Soviet plenipotentiary representative in London Ivan Maisky: "For your information...No agreement was signed or was intended to be signed in Berlin. We just exchanged our views in Berlin...and that was all...Apparently, the Germans and the Japanese seem anxious to push us towards the Gulf and India. We declined the discussion of this matter as we consider such advice on the part of Germany to be inappropriate." And on November 25, the Soviet leadership called it a day altogether by officially putting forward to Berlin the conditions that were unacceptable to the Nazis, including the withdrawal of German troops from Finland, mutual assistance treaty between Bulgaria and the USSR, and a number of others. Thus it deliberately excluded any possibility of joining the Pact. Such position definitely shaped the Fuehrer's intention to unleash a war against the USSR. And already in December, putting aside the warnings of his strategists about the disastrous danger of having a two-front war, Hitler approved Operation Barbarossa. He did this with the knowledge that the Soviet Union was the major force that opposed him in Europe and that the upcoming battle in the East would decide the outcome of the world war. And he had no doubts as to the swiftness and success of the Moscow campaign.

And here I would like to highlight the following: Western countries, as a matter of fact, agreed at that time with the Soviet actions and recognised the Soviet Union's intention to ensure its national security. Indeed, back on October 1, 1939 Winston Churchill, the First Lord of the Admiralty back then, in his speech on the radio said, "Russia has pursued a cold policy of self-interest... But that the Russian Armies should stand on this line [meaning the new Western border] was clearly necessary for the safety of Russia against the Nazi menace." On October 4, 1939, speaking in the House of Lords, Britain's Foreign Secretary Lord Halifax said, "...it should be recalled that the Soviet government's actions were to move the border essentially to the line recommended at the Versailles Conference by Lord Curzon... I only cite historical facts and believe they are indisputable." Prominent British politician and statesman David Lloyd George emphasised, "The Russian Armies occupied the territories that are not Polish and that were forcibly seized by Poland after World War I... It would be an act of criminal insanity to put the Russian advancement on a par with the German one."

In informal communications with Soviet plenipotentiary representative Ivan Maisky, British high-ranking politicians and diplomats spoke even more openly. On October 17, 1939, Under-Secretary of State for Foreign Affairs R. A. Butler confided to him that the British government circles believed there could be no question of returning Western Ukraine

and Belorussia to Poland. According to him, if it had been possible to create an ethnographic Poland of a modest size with a guarantee not only of the USSR and Germany, but also of Britain and France, the British government would have considered itself quite satisfied. On October 27, 1939, Neville Chamberlain's senior advisor Horace Wilson said that Poland had to be restored as an independent state on its ethnographic basis, but without Western Ukraine and Belorussia.

It is worth noting that in the course of these conversations the possibilities for improving British-Soviet relations were also explored. These contacts to a large extent laid the foundation for future alliance and Anti-Hitler coalition. Winston Churchill stood out among responsible and far-sighted politicians and, despite his infamous dislike for the USSR, had been in favour of cooperating with the Soviets even before. Back in May 1939, he said in the House of Commons, "We shall be in mortal danger if we fail to create a Grand Alliance against aggression. The worst folly... would be to... drive away any natural cooperation with Soviet Russia..." And after the start of hostilities in Europe, at his meeting with Ivan Maisky on October 6, 1939 he confided that there were no serious contradictions between the UK and the USSR and, therefore, there was no reason for strained or unsatisfactory relations. He also mentioned that the British government was eager to develop trade relations and willing to discuss any other measures that might improve the relationships.

World War II did not happen overnight, nor did it start unexpectedly or all of a sudden. And German aggression against Poland was not out of nowhere. It was the result of a number of tendencies and factors in the world politics of that time. All pre-war events fell into place to form one fatal chain. But, undoubtedly, the main factors that predetermined the greatest tragedy in the history of mankind were state egoism, cowardice, appeasement of the aggressor who was gaining strength, and unwillingness of political elites to search for compromise.

Therefore, it is unfair to claim that the two-day visit to Moscow of Nazi Foreign Minister J. Ribbentrop was the main reason for the start of World War II. All the leading countries are to a certain extent responsible for its outbreak. Each of them made fatal mistakes, arrogantly believing that they could outsmart others, secure unilateral advantages for themselves or stay away from the impending global catastrophe. And this short-sightedness, the refusal to create a collective security system cost millions of lives and tremendous losses.

Saying this, I by no means intend to take on the role of a judge, to accuse or acquit anyone, let alone initiate a new round of international information confrontation in the historical field that could set countries and peoples at loggerheads. I believe that it is academics with a wide representation of respected scholars from different countries of the world who should search for a balanced assessment of what happened. We all need the truth and objectivity. On my part, I have always encouraged my colleagues to build a calm, open and trust-based dialogue, to look at the common past in a self-critical and unbiased manner. Such an approach will make it possible not to repeat the mistakes committed back then and to ensure peaceful and successful development for years to come.

However, many of our partners are not yet ready for joint work. On the contrary, pursuing their goals, they increase the number and the scope of information attacks against our country, trying to make us provide excuses and feel guilty. They adopt thoroughly hypocritical and politically motivated declarations. Thus, for example, the resolution on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe approved by the European Parliament on September 19, 2019 directly accused the USSR – along with the Nazi Germany – of unleashing the Second World War. Needless to say, there is no mention of Munich in it whatsoever.

I believe that such 'paperwork' – for I cannot call this resolution a document – which is clearly intended to provoke a scandal, is fraught with real and dangerous threats. Indeed, it was adopted by a highly respectable institution. And what did it show? Regrettably, it revealed a deliberate policy aimed at destroying the post-war world order whose creation was a matter of honour and responsibility for the countries a number of representatives of which voted today in favour of this deceitful resolution. Thus, they challenged the conclusions of the Nuremberg Tribunal and the efforts of the international community to create after

the victorious 1945 universal international institutions. Let me remind you in this regard that the process of European integration itself leading to the establishment of relevant structures, including the European Parliament, became possible only due to the lessons learnt from the past and its accurate legal and political assessment. And those who deliberately put this consensus into question undermine the foundations of the entire post-war Europe.

Apart from posing a threat to the fundamental principles of the world order, this also raises certain moral and ethical issues. Desecrating and insulting the memory is mean. Meanness can be deliberate, hypocritical and pretty much intentional as in the situation when declarations commemorating the 75th anniversary of the end of World War II mention all participants in the Anti-Hitler coalition except for the Soviet Union. Meanness can be cowardly as in the situation when monuments erected in honour of those who fought against Nazism are demolished and these shameful acts are justified by the false slogans of the fight against an unwelcome ideology and alleged occupation. Meanness can also be bloody as in the situation when those who come out against neo-Nazis and Bandera's successors are killed and burned. Once again, meanness can have different manifestations, but this does not make it less disgusting.

Neglecting the lessons of history inevitably leads to a harsh payback. We will firmly uphold the truth based on documented historical facts. We will continue to be honest and impartial about the events of World War II. This includes a large-scale project to establish Russia's largest collection of archival records, film and photo materials about the history of World War II and the pre-war period.

Such work is already underway. Many new, recently discovered or declassified materials were also used in the preparation of this article. In this connection, I can state with all responsibility that there are no archive documents that would confirm the assumption that the USSR intended to start a preventive war against Germany. The Soviet military leadership indeed followed a doctrine according to which, in the event of aggression, the Red Army would promptly confront the enemy, go on the offensive and wage war on enemy territory. However, such strategic plans did not imply any intention to attack Germany first.

Of course, military planning documents, letters of instruction of Soviet and German headquarters are now available to historians. Finally, we know the true course of events. From the perspective of this knowledge, many argue about the actions, mistakes and misjudgement of the country's military and political leadership. In this regard, I will say one thing: along with a huge flow of misinformation of various kinds, Soviet leaders also received true information about the upcoming Nazi aggression. And in the pre-war months, they took steps to improve the combat readiness of the country, including the secret recruitment of a part of those liable for military duty for military training and the redeployment of units and reserves from internal military districts to western borders.

The war did not come as a surprise, people were expecting it, preparing for it. But the Nazi attack was truly unprecedented in terms of its destructive power. On June 22, 1941, the Soviet Union faced the strongest, most mobilised and skilled army in the world with the industrial, economic and military potential of almost all Europe working for it. Not only the Wehrmacht, but also Germany's satellites, military contingents of many other states of the European continent, took part in this deadly invasion.

The most serious military defeats in 1941 brought the country to the brink of catastrophe. Combat power and control had to be restored by extreme means, nation-wide mobilisation and intensification of all efforts of the state and the people. In summer 1941, millions of citizens, hundreds of factories and industries began to be evacuated under enemy fire to the east of the country. The manufacture of weapons and munition, that had started to be supplied to the front already in the first military winter, was launched behind the lines in the shortest possible time, and by 1943, the rates of military production of Germany and its allies were exceeded. Within eighteen months, the Soviet people did something that seemed impossible. Both on the front lines and the home front. It is still hard to realise, understand and imagine what incredible efforts, courage, dedication these greatest achievements were worth.

The tremendous power of Soviet society, united by the desire to protect their native land, rose against the powerful, armed to the teeth, cold-blooded Nazi invading machine. It stood up to take revenge on the enemy, who had broken, trampled peaceful life, people's plans and hopes.

Of course, fear, confusion and desperation were taking over some people during this terrible and bloody war. There were betrayal and desertion. The harsh splits caused by the revolution and the Civil War, nihilism, mockery of national history, traditions and faith that the Bolsheviks tried to impose, especially in the first years after coming to power – all of this had its impact. But the general attitude of the of Soviet citizens and our compatriots who found themselves abroad was different – to save and protect the Motherland. It was a real and irrepressible impulse. People were looking for support in true patriotic values.

The Nazi 'strategists' were convinced that a huge multinational state could easily be brought to heel. They thought that the sudden outbreak of the war, its mercilessness and unbearable hardships would inevitably exacerbate inter-ethnic relations. And that the country could be split into pieces. Hitler clearly stated: "Our policy towards the peoples living in the vastness of Russia should be to promote any form of disagreement and split."

But from the very first days, it was clear that the Nazi plan had failed. The Brest Fortress was protected to the last drop of blood by its defenders representing more than 30 ethnicities. Throughout the war – both in large-scale decisive battles and in the protection of every foothold, every metre of native land – we see examples of such unity.

The Volga region and the Urals, Siberia and the Far East, the republics of Central Asia and Transcaucasia became home to millions of evacuees. Their residents shared everything they had and provided all the support they could. Friendship of peoples and mutual help became a real indestructible fortress for the enemy.

The Soviet Union and the Red Army, no matter what anyone is trying to prove today, made the main and crucial contribution to the defeat of Nazism. These were heroes who fought to the end surrounded by the enemy at Bialystok and Mogilev, Uman and Kiev, Vyazma and Kharkov. They launched attacks near Moscow and Stalingrad, Sevastopol and Odessa, Kursk and Smolensk. They liberated Warsaw, Belgrade, Vienna and Prague. They stormed Koenigsberg and Berlin.

We contend for genuine, unvarnished or whitewashed truth about war. This national, human truth, which is hard, bitter and merciless, has been handed down to us by writers and poets who walked through fire and hell of front trials. For my generation, as well as for many others, their honest and deep stories, novels, piercing trench prose and poems have left their mark on the soul forever. Honouring veterans who did everything they could for the Victory and remembering those who died on the battlefield has become our moral duty.

And today, the simple and great in their essence lines of Alexander Tvardovsky's poem "I was killed near Rzhev ..." dedicated to the participants of the bloody and brutal battle of the Great Patriotic War in the centre of the Soviet-German front line are astonishing. In the battles for Rzhev and the Rzhev Salient alone from October 1941 to March 1943, the Red Army lost 1,342,888 people, including wounded and missing in action. For the first time, I call out these terrible, tragic and far from complete figures collected from archive sources. I do it to honour the memory of the feat of known and nameless heroes, who for various reasons were undeservingly, and unfairly little talked about or not mentioned at all in the post-war years.

Let me cite another document. This is a report of February 1945 on reparation from Germany by the Allied Commission on Reparations headed by Ivan Maisky. The Commission's task was to define a formula according to which defeated Germany would have to pay for the damages sustained by the victor powers. The Commission concluded that "the number of soldier-days spent by Germany on the Soviet front is at least 10 times higher than on all other allied fronts. The Soviet front also had to handle four-fifths of German tanks and about two-thirds of German aircraft." On the whole, the USSR accounted for about 75 percent of all military efforts undertaken by the Anti-Hitler Coalition. During the war period, the Red Army "ground up" 626 divisions of the Axis states, of which 508 were German.

On April 28, 1942, Franklin D. Roosevelt said in his address to the American nation: “These Russian forces have destroyed and are destroying more armed power of our enemies – troops, planes, tanks, and guns – than all the other United Nations put together.” Winston Churchill in his message to Joseph Stalin of September 27, 1944, wrote that “it is the Russian army that tore the guts out of the German military machine...”

Such an assessment has resonated throughout the world. Because these words are the great truth, which no one doubted then. Almost 27 million Soviet citizens lost their lives on the fronts, in German prisons, starved to death and were bombed, died in ghettos and furnaces of the Nazi death camps. The USSR lost one in seven of its citizens, the UK lost one in 127, and the USA lost one in 320. Unfortunately, this figure of the Soviet Union's hardest and grievous losses is not exhaustive. The painstaking work should be continued to restore the names and fates of all who have perished – Red Army soldiers, partisans, underground fighters, prisoners of war and concentration camps, and civilians killed by the death squads. It is our duty. And special role here belongs to members of the search movement, military-patriotic and volunteer associations, projects like the electronic database “Pamyat Naroda” (Memory of the People), which contains archival documents. And, surely, close international cooperation is needed in such a common humanitarian task.

The efforts of all countries and peoples who fought against a common enemy resulted in victory. The British army protected its homeland from invasion, fought the Nazis and their satellites in the Mediterranean and North Africa. American and British troops liberated Italy and opened the Second Front. The US dealt powerful and crushing strikes against the aggressor in the Pacific Ocean. We remember the tremendous sacrifices made by the Chinese people and their great role in defeating Japanese militarists. Let us not forget the fighters of Fighting France, who did not fall for the shameful capitulation and continued to fight against the Nazis.

We will also always be grateful for the assistance rendered by the Allies in providing the Red Army with munition, raw materials, food and equipment. And that help was significant – about 7 percent of the total military production of the Soviet Union.

The core of the Anti-Hitler Coalition began to take shape immediately after the attack on the Soviet Union where the United States and Britain unconditionally supported it in the fight against Hitler's Germany. At the Tehran Conference in 1943, Stalin, Roosevelt and Churchill formed an alliance of great powers, agreed to elaborate coalition diplomacy and a joint strategy in the fight against a common deadly threat. The leaders of the Big Three had a clear understanding that the unification of industrial, resource and military capabilities of the USSR, the United States and the UK will give unchallenged supremacy over the enemy.

The Soviet Union fully fulfilled its obligations to its allies and always offered a helping hand. Thus, the Red Army supported the landing of the Anglo-American troops in Normandy by carrying out a large-scale Operation Bagration in Belorussia. In January 1945, having broken through to the Oder River, our soldiers put an end to the last powerful offensive of the Wehrmacht on the Western Front in the Ardennes. Three months after the victory over Germany, the USSR, in full accordance with the Yalta agreements, declared war on Japan and defeated the million-strong Kwantung Army.

Back in July 1941, the Soviet leadership declared that “the purpose of the war against fascist oppressors was not only the elimination of the threat looming over our country, but also help for all the peoples of Europe suffering under the yoke of German fascism.” By mid-1944, the enemy was expelled from virtually all of the Soviet territory. However, the enemy had to be finished off in its lair. And so the Red Army started its liberation mission in Europe. It saved entire nations from destruction and enslavement, and from the horror of the Holocaust. They were saved at the cost of hundreds of thousands of lives of Soviet soldiers.

It is also important not to forget about the enormous material assistance that the USSR provided to the liberated countries in eliminating the threat of hunger and in rebuilding their economies and infrastructure. That was being done at the time when ashes stretched for thousands of miles all the way from Brest to Moscow and the Volga. For instance, in May 1945, the Austrian government asked the USSR to provide assistance with food, as it “had no idea how to feed its population in the next seven weeks before the new harvest.”

State Chancellor of the Provisional Government of the Austrian Republic Karl Renner described the consent of the Soviet leadership to send food as a saving act that the Austrians would never forget.

The Allies jointly established the International Military Tribunal to punish Nazi political and war criminals. Its decisions contained a clear legal qualification of crimes against humanity, such as genocide, ethnic and religious cleansing, anti-Semitism and xenophobia. Directly and unambiguously, the Nuremberg Tribunal also condemned the accomplices of the Nazis, collaborators of various kinds.

This shameful phenomenon manifested itself in all European countries. Such figures as Pétain, Quisling, Vlasov, Bandera, their henchmen and followers – though they were disguised as fighters for national independence or freedom from communism – are traitors and butchers. In terms of inhumanity, they often exceeded their masters. In their desire to serve, as part of special punitive groups they willingly executed the most inhuman orders. They were responsible for such bloody events as the shootings of Babi Yar, the Volhynia massacre, burnt Khatyn, acts of destruction of Jews in Lithuania and Latvia.

Today as well, our position remains unchanged – there can be no excuse for the criminal acts of Nazi collaborators, there is no period of limitations for them. It is therefore bewildering that in certain countries those who are smirched with cooperation with the Nazis are suddenly equated with World War II veterans. I believe that it is unacceptable to equate liberators with occupants. And I can only regard the glorification of Nazi collaborators as a betrayal of the memory of our fathers and grandfathers. A betrayal of the ideals that united peoples in the fight against Nazism.

At that time, the leaders of the USSR, the United States, and the UK faced, without exaggeration, a historic task. Stalin, Roosevelt and Churchill represented the countries with different ideologies, state aspirations, interests, cultures, but they demonstrated great political will, rose above the contradictions and preferences and put the true interests of peace at the forefront. As a result, they were able to come to an agreement and achieve a solution from which all of humanity has benefited.

The victor powers left us a system that has become the quintessence of the intellectual and political quest of several centuries. A series of conferences – Tehran, Yalta, San Francisco and Potsdam – laid the foundation of a world that for 75 years had no global war, despite the sharpest contradictions.

Historical revisionism, the manifestations of which we now observe in the West, primarily with regard to the subject of the Second World War and its outcome, is dangerous because it grossly and cynically distorts the understanding of the principles of peaceful development, laid down at the Yalta and San Francisco conferences in 1945. The major historic achievement of Yalta and other decisions of that time is the agreement to create a mechanism that would allow the leading powers to remain within the framework of diplomacy in resolving their differences.

The twentieth century brought large-scale and comprehensive global conflicts, and in 1945, nuclear weapons capable of physically destroying the Earth also entered the scene. In other words, the settlement of disputes by force has become prohibitively dangerous. And the victors in the Second World War understood that. They understood and were aware of their own responsibility towards humanity.

The cautionary tale of the League of Nations was taken into account in 1945. The structure of the UN Security Council was developed in a way to make peace guarantees as concrete and effective as possible. That is how the institution of the permanent members of the Security Council and the right of the veto as their privilege and responsibility came into being.

What is the power of veto in the UN Security Council? To put it bluntly, it is the only reasonable alternative to a direct confrontation between major countries. It is a statement by one of the five powers that a decision is unacceptable to it and is contrary to its interests and its ideas about the right approach. And other countries, even if they do not agree, take this position as a given, abandoning any attempts to realise their unilateral efforts. It means that in one way or another it is necessary to seek compromises.

A new global confrontation started almost immediately after the end of the Second World War and was at times very fierce. And the fact that the Cold War did not grow into the Third World War has become a clear testimony of the effectiveness of the agreements concluded by the Big Three. The rules of conduct agreed upon during the creation of the United Nations made it possible to further minimise risks and keep confrontation under control.

Of course, we can see that the UN system currently experiences certain tension in its work and is not as effective as it could be. But the UN still performs its primary function. The principles of the UN Security Council are a unique mechanism for preventing a major war or a global conflict.

The calls that have been made quite often in recent years to abolish the power of veto, to deny special opportunities to permanent members of the Security Council are actually irresponsible. After all, if that happens, the United Nations would in essence become the League of Nations – a meeting for empty talk without any leverage on the world processes. How it ended is well known. That is why the victor powers approached the formation of the new system of the world order with utmost seriousness seeking to avoid repetition of mistakes made by their predecessors.

The creation of the modern system of international relations is one of the major outcomes of World War II. Even the most insurmountable contradictions – geopolitical, ideological, economic – do not prevent us from finding forms of peaceful coexistence and interaction, if there is the desire and will to do so. Today the world is going through quite a turbulent time. Everything is changing, from the global balance of power and influence to the social, economic and technological foundations of societies, nations and even continents. In the past epochs, shifts of such magnitude have almost never happened without major military conflicts. Without a power struggle to build a new global hierarchy. Thanks to the wisdom and farsightedness of the political figures of the Allied Powers, it was possible to create a system that has restrained from extreme manifestations of such objective competition, historically inherent in the world development.

It is a duty of ours – all those who take political responsibility and primarily representatives of the victor powers in the Second World War – to guarantee that this system is maintained and improved. Today, as in 1945, it is important to demonstrate political will and discuss the future together. Our colleagues – Mr Xi Jinping, Mr Macron, Mr Trump and Mr Johnson – supported the Russian initiative to hold a meeting of the leaders of the five nuclear-weapon states, permanent members of the Security Council. We thank them for this and hope that such face-to-face meeting could take place as soon as possible.

What is our vision of the agenda for the upcoming summit? First of all, in our opinion, it would be useful to discuss steps to develop collective principles in world affairs. To speak frankly about the issues of preserving peace, strengthening global and regional security, strategic arms control, about joint efforts in countering terrorism, extremism and other major challenges and threats.

A special item on the agenda of the meeting is the situation in the global economy. And above all, overcoming the economic crisis caused by the coronavirus pandemic. Our countries are taking unprecedented measures to protect the health and lives of people and to support citizens who have found themselves in difficult living situations. Our ability to work together and in concert, as real partners, will show how severe the impact of the pandemic will be, and how quickly the global economy will emerge from the recession. Moreover, it is unacceptable to turn the economy into an instrument of pressure and confrontation. Popular issues include environmental protection and combating climate change, as well as ensuring the security of the global information space.

The agenda proposed by Russia for the upcoming summit of the Five is extremely important and relevant both for our countries and for the entire world. And we have specific ideas and initiatives on all the items.

There can be no doubt that the summit of Russia, China, France, the United States, and the UK will play an important role in finding common answers to modern challenges and threats, and will demonstrate a common commitment to the spirit of alliance, to those

high humanist ideals and values for which our fathers and grandfathers fought shoulder to shoulder.

Drawing on a shared historical memory, we can trust each other and must do so. That will serve as a solid basis for successful negotiations and concerted action for the sake of enhancing the stability and security on the planet, for the sake of prosperity and well-being of all states. Without exaggeration, it is our common duty and responsibility towards the entire world, towards the present and future generations.
